Ну здравствуй, ПИТЕР!

Женя Онегина

18+

Женя Онегина

Ну здравствуй, Питер!

«Автор»

2023

Онегина Ж.

Ну здравствуй, Питер! / Ж. Онегина — «Автор», 2023

Елисавета - сирота и единственная наследница своего отца, погибшего много лет назад. С женихом Егором Демидовым ее связывает брачный контракт и нежная детская привязанность. Только однажды Лиза застает его с другой. Всем известно, что побег в Питер может не только решить множество проблем, но и подкинуть новых. Приставленный опекуном телохранитель оказывается не так прост и явно преследует свои цели. А еще девушке снятся странные сны, и новый знакомый явно имеет к этому отношение. Так кто же такой Питер Бергер? И что за тайны скрывает огромная татуировка на его спине?

© Онегина Ж., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Пролог 6
Часть первая 7
Глава первая 7
Глава вторая 11
Глава третья 15
Глава четвертая 19
Глава пятая 22
Глава шестая 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Женя Онегина
Ну здравствуй, Питер!

"Draco dormiens numquam titillandus!
(Не дразните спящего дракона!)"
Роулинг Джоан, девиз Хогвартса.

Пролог

Я летела.

Я парила в невесомости.

Я увязла в густом потоке теплого воздуха, и теперь он тащил меня за собой, не оставляя ни малейшего шанса на возвращение.

Кругом был свет.

Яркий ослепительный свет.

Настолько живой, что его хотелось попробовать на вкус. Я неловко высунула язык, случайно прикусив его клыком. И, заскулив от внезапной боли, выдохнула тоненькую струйку дыма.

Еще совсем недавно меня окружала тьма.

Беспросветная тьма и сырость.

Было страшно, так страшно, что я старалась уснуть, лишь бы не слышать собственного жалобного плача. Он вырывался из моего горла сам по себе, и тогда я начинала скрести окружающий меня камень, ломая о мрамор еще неокрепшие когти.

Но однажды все закончилось…

Поток горячего воздуха все тащил и тащил меня вперед, и я расправила крылья, пока еще неуклюже приноравливаясь к полету. Меня тут же занесло, завертев в небольшом огненном торнадо, и я рванула вверх в надежде вырваться из круговорота. Получилось!!! Пара сильных взмахов, и я стрелой понеслась вперед. Сложила крылья, повернувшись вокруг своей оси, и снова вверх. Замерла на мгновение в невесомости, широко расправив крылья и сжатой пружиной свернув огромный тяжелый хвост с шипастым набалдашником на конце. А потом камнем рухнула вниз, чтобы окунуться в ледяную черную воду.

Я снова неслась вперед, то и дело касаясь водной глади когтистыми лапами, поднимая облако брызг. Неслась до тех пор, пока не уткнулась в мраморную скалу, на вершине которой, свернувшись в плотный клубок, спал изумрудный дракон.

Часть первая

Глава первая

Высокий темноволосый парень в черном плаще следовал за мной от самого Московского вокзала. Я, конечно, знала, что люди Демидова повсюду. Стоило мне покинуть "Сапсан" и ступить на платформу одиннадцатого пути, как пожилой мужчина в неприметном, но добротном костюме с хорошо знакомым мне вензелем, приблизился, предлагая забрать чемодан. Я только кивнула, принимая помощь.

– Машину, Елисавета Александровна?

– Благодарю. Пожалуй, пройдусь, – ответила я, вежливо улыбнувшись.

– Не буду мешать, – сказал мужчина и словно растворился в толпе. Но я знала, что его место занял другой.

Вызывающе дорогой черный плащ я заметила, переходя Лиговский проспект. Мой спутник и не думал скрываться. Он уверенно шел следом, время от времени нетерпеливо поглядывая на часы. Я свернула на Невский, надеясь затеряться в толпе. Ну как затеряться… Я знала, что это бессмысленно. Даже если этот самоуверенный, явно скучающий тип потеряет меня из виду, на смену ему придут другие. Алексей Павлович никогда бы не позволил мне бродить по городу без защиты.

У Аничкова моста показалось, что парень действительно меня потерял. И страшно захотелось наказать неизвестного телохранителя за недостаточное внимание к моей персоне. Я скользнула в первое попавшееся кафе. Заказала кофе на вынос. Огляделась – черного плаща нигде не было. Сняла курточку и убрала в рюкзак, оставшись в плотном черном платье до колена, собрала темные волосы в тугой пучок и нацепила на нос очки. Взяла кофе и вышла на Невский. У дверей кофейни меня никто не ждал. Где-то глубоко в душе кольнуло странное разочарование. Действительно потерял? Или ему надоели мои детские игры, и он просто передал почетную обязанность бдить воспитанницу Демидовых кому-то менее занятому?

Обидевшись неизвестно на что, я поймала такси. И спустя десять минут вышла из машины у Исаакиевского собора. Удивительно, но очереди у касс не было. Я купила билет на колоннаду и поспешила к турникетам. Прежде чем пройти к лестнице, я еще раз оглянулась, из-за какого-то неуемного любопытства, но черного плаща нигде не было видно. Подъём дался необычно легко. Я практически взлетела вверх, перепрыгивая разом через несколько ступеней. Голова слегка кружилась, то ли от бега по спирали и духоты, царящей внутри башни, то ли от близости неизвестной свободы. Но стоило мне выйти на открытый переход, ведущий к смотровой площадке, как я забыла обо всем на свете. Подо мной словно была пустота, и я парила в этой пустоте, ничуть не смущаясь отсутствия опоры под ногами.

В последний день сентября Питер тонул в теплых лучах закатного солнца.

Под моими ногами раскинулся город, таящий в себе столько тайн, но я смотрела прямо перед собой: на темную воду Невы, на отражающиеся в ней облака, на снующие по набережной машины.

В пятничный вечер Санкт-Петербург гудел в предвкушении выходных, а я застыла, облокотившись на ограждение, мечтая забраться еще выше, туда, где не будет камня, сковывающего свободу, а останется только небо… Безграничное…

Пустое… Мое…

Я ощутила его присутствие каким-то непонятным, до той поры не знакомым мне чувством. Его пронизывающий взгляд и явно скользившее в нем неодобрение вызывали странный зуд между лопаток, не давая сосредоточиться.

Я знала, что он давно стоит за моей спиной. Как знала и то, что теперь и шагу не ступлю без его одобрения. Внезапно стало стыдно за неуместное ребячество. Я постаралась подавить смятение, волнами поднимающееся из груди, подалась вперед и раскинула руки в глупой попытке обнять раскинувшийся передо мной город.

– Не стоит волновать местную службу безопасности, Елисавета Александровна! – раздался насмешливый голос за моей спиной. – Вам развлечение, а мне снова проблем не оберешься.

– Снова?

– Опять, – ответил мой телохранитель твердо. – Вам не стоит бродить по городу одной, Елисавета Александровна. Но это вам, конечно же, известно и без меня.

– А что мне еще не стоит делать? – спросила я и обернулась.

Он оказался моложе, чем я думала. Едва ли старше двадцати пяти. Высокий и крепкий, но гибкий. Крупный прямой нос с горбинкой, возможно перебитый когда-то давно, пухлые губы и по-мальчишески насупленные брови. Серо-зеленые глаза выражали крайнее раздражение, когда он все-таки ответил:

– Испытывать судьбу, Елисавета Александровна. Вам не стоит испытывать судьбу.

– Можно просто Лиза, – ответила я и улыбнулась нежно.

– Петр Бергер, – представился мой телохранитель. – Можно просто Питер, Елисавета Александровна.

– Ну здравствуй, Питер! – усмехнулась я.

Кажется, он хотел что-то ответить. Возможно язвительное, но в последний момент передумал. Казалось, что в глазах его пляшут черти, и Бергер тщательно сдерживает готовый вырваться наружу огонь. Я уже видела подобный в серых глазах Егора, когда тот злился. А злился Егор крайне редко, по крайней мере на меня.

Но сейчас стоящий рядом со мной мужчина сдерживал себя из последних сил. Я отступила, прижимаясь спиной к ограждению, и Петр предупреждающе рыкнул. Я замерла, не привыкшая к такому обращению, выжидая. И мужчина опомнился, недовольно дернул уголком рта, будто сдерживая улыбку, и протянул мне руку.

– Как насчет ужина, Елисавета Александровна? А потом я с удовольствием покажу вам город.

– Благодарю, – вежливо ответила я и зачем-то добавила: – Но это не обязательно.

– Мне проводить вас на вокзал? Поверьте, Елисавета Александровна, я буду только рад.

Я отчетливо скрипнула зубами, все же заставив Бергера улыбнуться.

Ничто, абсолютно ничто, не мешало мне набрать номер Алексея Павловича и нажаловаться на телохранителя. Но я никогда не делала так прежде. И не собиралась и сейчас. Демидов был скор на расправу, а Петр Бергер вызывал у меня странные эмоции. Он бесил, раздражал до крайности и не отпускал. И мне страшно захотелось узнать его, разгадать, как и этот город, в который я сорвалась за пару часов, доведя невозмутимого Егора до белого каления.

– А можно сначала прогулку, а потом ужин? – спросила я.

– Значит, вокзал отменяется, – Питер притворно вздохнул и продолжил: – Вам все можно, Елисавета Александровна.

– Просто Лиза, – напомнила я.

– Я запомнил, – ответил мой спутник. – Ну раз прогулка…

Питер в несколько размашистых шагов преодолел металлический спуск, будто и вовсе не касаясь ступеней. А потом терпеливо ждал, пока я спущусь. Ощущение невесомости пропало. Я боялась смотреть себе под ноги, и по сторонам смотреть тоже боялась. Я шла, крепко вцепившись руками в поручни, и вздрагивала каждый раз, когда подо мной начинала вибрировать шаткая на вид конструкция. Бергер ждал меня у входа в башню, скрестив руки на груди

и слегка прищурившись. Полы распахнутого черного плаща развевались за его спиной, а по губам скользнула и снова пропала ядовитая усмешка.

– Устали, Елисавета Александровна?

– Лиза, – буркнула я и протопала мимо него к двери, ведущей в башню.

– Лиза, ты боишься высоты? – донеслось мне в спину.

– Что? – я остановилась у перил и посмотрела вниз, на центр спирально закрученной лестницы. Голова закружилась, а к горлу подступила тошнота.

– Ты боишься высоты? – повторил свой вопрос Питер.

В тот же миг мир перевернулся, и я рухнула в каменный мешок… Рухнула бы. Головой вниз, если бы Бергер меня не поймал, крепко обхватив за талию одной рукой.

– Елисавета Александровна, да с вас глаз спускать нельзя!? – воскликнул он в притворном возмущении и плотнее прижал к себе. Я зажмурилась, спрятав лицо у него на груди. Все еще надеясь справиться с подступающей дурнотой.

Бергер ласково погладил меня по волосам, провел рукой по затылку и распустил тугой пучок. Почему-то сразу стало легче.

– Давно с тобой такое? – спросил мужчина тихо.

– Не знаю, – ответила я. – Честно, не знаю. Кажется, что впервые. Но это не так…

– Не так, – согласился Бергер. – Можешь идти? Чем быстрее мы выберемся наружу, тем лучше.

С колоннады мы спускались бегом. Свежий воздух мгновенно привел меня в чувство. Стоило выбраться из душного помещения, как я сделала глубокий вдох и зажмурилась, с удовольствием подставляя лицо вечерней прохладе. Солнце почти село. Я замерла на мраморных ступенях Исаакиевского собора, наслаждаясь необычно теплым для конца сентября вечером. Поднявшийся с реки ветер трепал распущенные волосы, и я устало перехватила их рукой.

– Лучше? – спросил Петр и улыбнулся.

– Да, спасибо, – ответила я немного хрипло. – Со мной такое впервые. Кажется.

Он поймал прядь волос, что своенравный ветер швырнул мне в лицо, и задумчиво пропустил между пальцами.

– Я понял. Идем к реке? Там сразу станет легче.

– Идем, – согласилась я. – Но все уже в порядке.

– Верю, – он улыбнулся. – Вы позволите?

И, не дождавшись ответа, собрал мои растрепанные волосы в кулак. Потянул, заставляя повернуться к нему спиной, и легко заплел французскую косу, скрепив ее на затылке простым узлом.

– Вы выбрали прогулку, Елисавета Александровна, – напомнил мужчина и вдруг улыбнулся, по-юношески задорно. – Вы же приехали посмотреть город?

– Я… – пролепетала я, теряясь под его напором.

– Ты, Лисса, ты, – шепнул мне в губы Бергер и убрал от лица все же выпавшую из прически прядь. – Питер ждет, Лисса!

Питер ждал. Нет, не так. Питер застыл в предвкушении чего-то. Возможно, золотого октября, когда город вдруг преображается до неузнаваемости, укутываясь осенними листьями. Или же холодов, что заставят опустевшие темные воды Невы исподволь замедлить свой бег. Питер ждал…

Темноты. Снега. Перемен.

А меня ждал Питер. Питер Бергер. Точнее должен был ждать. Но мой телохранитель стремительно шел вперед через сквер к Адмиралтейской набережной, и полы черного плаща развевались за его спиной словно крылья, притягивая взгляды окружающих.

А я… А я торопилась за ним. Не знаю почему, но теперь я страшно боялась потерять его из виду. У Медного всадника толпились припозднившиеся туристы, щелкали затворы фото-

камер, в сумерках мерцали вспышки фотоаппаратов, а я почти вприпрыжку бежала за новым знакомым, не решаясь окликнуть, чтобы тоже сделать фото.

Питер Бергер остановился только у светофора, лениво обернулся, и не найдя меня рядом, нахмурился. Он ждал моего приближения с явным нетерпением, снова поглядывая на часы. А я, вспомнив, наконец, о том, что я наследница Демидовых, выпрямила спину, замедлила шаг и бросила на своего спутника полный негодования взгляд.

– Отпустило, Елисавета Александровна? – спросил Бергер, усмехнувшись. И добавил совсем другим тоном: – Давай же, Лисса! Не тупи! Будет весело, я обещаю!

Я засмеялась. Почему-то захотелось верить ему. И этому городу тоже. Они ждали меня, странный парень в черном плаще и мрачный каменный Питер.

Глава вторая

Небольшой, но уютный ресторан нашелся на набережной реки Фонтанки, недалеко от музея Фаберже. В пятницу вечером все столики конечно же были заняты, но Питер шепнул что-то миниатюрной официантке в синих джинсах и черном фартуке. На ее предплечье темнела татуировка в виде кинжала. Девушка расплылась в улыбке, и нас немедленно проводили в небольшой зал без окон, всего на пару столиков, которые оказались свободными.

Бергер помог мне снять куртку, услужливо отодвинул массивный стул, предлагая сесть.

– Позволишь мне сделать заказ? – спросил он, едва я устроилась за столом.

– Буду только рада довериться твоему вкусу, – ответила я и вежливо улыбнулась.

– Тогда я отлучусь на пару минут. Не скучай!

Я согласно кивнула, и Питер исчез, оставив меня одну. Я огляделась.

Низкий арочный потолок помещения был отделан красным кирпичом, стены выполнены деревянными панелями с выжженными на гладкой полированной поверхности узорами. Приглушенный свет, тихая музыка. Сюда практически не долетал шум из общего зала, и от этого обстановка казалось очень интимной. И безумно подходила моему телохранителю. Испугавшись того направления, которое начали принимать мои мысли, я поспешно достала телефон, чтобы, хоть и с опозданием, ответить на сообщение Егора.

На экране мелькнули три неотвеченных вызова. Два от него, один – от Алексея Павловича. Стало немного стыдно.

Георгий Алексеевич Демидов, или просто Егор, приходился мне женихом. Как бы странно это не звучало в двадцать первом веке, но я была обещана ему практически с рождения. Точнее, завещана моим отцом вместе с огромным состоянием Аракчеевых-Головиных. Мне едва исполнилось три года, когда родители погибли. И я не помню, что было до того, как я стала частью семьи Демидовых. Егор находился рядом всю мою жизнь. Старше меня на шесть лет, он дул на мои разбитые коленки, когда я училась кататься на велосипеде. Он утешал меня, когда я рыдала над прописями в первом классе, и учил со мной стихотворения к праздникам наизусть. Он решал за меня задачки по математике, и мы вместе зубрили немецкие глаголы. Он подарил мне кота. Он научил меня водить машину и ненавидеть суши. Еще сегодня утром Егор был для меня всем…

И вот уже пять лет мы откладывали нашу свадьбу.

Каждый раз на год.

Его отец, Алексей Павлович Демидов, владелец одного из крупнейших металлургических предприятий в стране, сделал все возможное, чтобы дать мне достойное образование и сохранить доставшиеся мне в наследство капиталы, которыми он распоряжался до моего совершеннолетия. И после тоже, до тех пор, пока не выйду замуж. Летом я получила университетский диплом. И теперь Алексей Павлович терпеливо ждал заключения брачного договора, за которым должно последовать слияние двух капиталов: Демидовых и Аракчеевых-Головиных. Но Егор упорно уходил от прямого разговора, и я медлила тоже.

Почему-то казалось кощунством втискивать нашу нежную дружбу и привязанность в тесные рамки обоюдовыгодного контракта.

"Егор, прости, что не отвечала", – написала я и тут же стерла сообщение.

"Егор", – набрала еще раз, но не знала, что добавить.

Телефон завибрировал, и на экране высветилось:

"Лизавета, нам нужно поговорить".

"Привет", – написала я.

"Прости, я виноват", – пришел ответ.

"И я".

"Я позвоню?"

"Не нужно. Не сейчас. Я устала".

"Ты где?"

"В небольшом ресторане на Фонтанке".

"Бергер с тобой?".

Почему-то стало ужасно обидно. Одной простой фразой Егор в одно мгновение разрушил все очарование этого вечера. Я почувствовала себя наивной маленькой девочкой, которая пыталась спрятать от няни конфетку, которую няня сама же и предложила после обеда. Конечно Егор знал того, кто должен был сопровождать меня в Санкт-Петербурге. Но мне так отчаянно захотелось, чтобы этот вечер стал только моим, и только моим, что на глаза набежали слезы.

– Лисса? Что опять не так?

Он стоял передо мной. Высокий, красивый той самой неправильной красотой, которая притягивает к себе восхищенные взгляды. Растрепанные темные волосы, скрывающие чуть оттопыренные уши, высокий лоб, жесткий, волевой подбородок, внимательный, немного раздраженный взгляд серо-зеленых глаз. Плащ Питер снял. Под ним обнаружился светло-серый джемпер, плотно облегающий прокаченный торс. Он слегка наклонил голову, и я заметила на его шее фрагмент татуировки, тянущейся вдоль позвоночника и исчезающий в отросших прядях на затылке.

– Прости, – мне стало неудобно. – Просто…

– С Демидовым разговаривала? – спросил Питер, кивнув на телефон в моей руке.

– Написала ему, да… – Я поднялась. – Мне нужно…

– Сразу за дверью направо, – пришел на помощь мой телохранитель и продолжил таким тоном, что я покраснела: – Постарайся не задерживаться. Продолжить лить слезы можно и в моем присутствии. Я как-нибудь переживу. А вот твое исчезновение может нанести существенный вред моему здоровью.

В уборной играла тихая музыка. Я постаралась привести мысли в порядок, слегка брызнула в лицо холодной водой и уставилась на свое отражение в зеркале, не узнавая. От привычной строгой прически не осталось и следа, вместо нее – небрежно перекинутая через плечо свободная французская коса, заплетенная Бергером. Обычно бледные щеки раскраснелись от долгой прогулки, губы обветрились и пылали, а глаза горели непривычным, живым огнем. Что этот город делает со мной?

Когда я вернулась в зал, Питер задумчиво уставился на стену, поднеся ко рту стакан, по всей видимости с виски. При моем появлении он сделал глоток и криво улыбнулся.

– Я подумал, что глинтвейн с коньяком и медом будет сейчас кстати, – произнес мужчина, когда я села, и придвинул ко мне высокий бокал. – Но, наверное, стоило спросить у тебя?

– Все в порядке, благодарю, – ответила я, вдыхая горячий пряный аромат, от которого как будто кружилась голова.

– Елисавета Александровна? – Бергер подозрительно смотрел на меня поверх своего стакана. – Вы не привыкли к крепким напиткам?

– Не привыкла, – легко согласилась я, делая первый глоток. – Но мне нравится.

Горло приятно обдало горьковатой сладостью, а голова закружилась уже по-настоящему. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, а сердце забилось в два раза быстрее.

Мой спутник смотрел на меня с сомнением, к которому примешивалась легкая тревога. Словно он никак не мог решить: смириться и продолжить со мной возиться или посадить под замок до первого рейса в Москву.

– Какой он, Демидов-старший? – спросил Питер совершенно не то, что я ожидала услышать.

– Алексей Павлович? – зачем-то уточнила я. Язык немного заплетался.

– Он самый. Ты же его приемная дочь?

– Не совсем, – я поморщилась. – Демидов был моим опекуном до совершеннолетия. И я невеста его сына.

– Самая настоящая невеста? – ухмыльнулся Бергер. – Которая с брачным договором, но без любви?

– Почему без любви? – обиделась я. – Я люблю Егора, а Егор любит меня.

Наверное…

– Егор? – не понял Петр. – В смысле Георгий Демидов?

– Он самый. Так чему ты удивляешься?

– Да так, подумалось. А когда свадьба? Ты вроде бы уже большая девочка, да и он давно не мальчик.

– Летом, – я неопределенно пожала плечами.

– Ага, ясно… – протянул Питер и сделал глоток.

Я последовала его примеру.

Принесли закуски, потом горячее. И я вдруг поняла, что безумно голодна. Теплый мясной салат и мясо с грибами в горшочках были настолько потрясающими, что я забыла обо всем на свете, сосредоточившись на еде. Ужинали мы в молчании, которое совершенно не было гнетущим. Наоборот, странно уютным и правильным, словно я знала сидящего напротив меня мужчину много лет.

– Десерт? – предложил Бергер, едва я отложила приборы. – Здесь потрясающие торты.

– Пожалуй, откажусь, – ответила я. – Но запомню на будущее, что начинать надо с них.

Бергер рассмеялся.

– Ты готова продолжить нашу прогулку? Или сдаешься? Тогда я отвезу тебя в отель.

– Гулять! – воскликнула я. – Я хочу гулять!

На улице давно стемнело. Мы шли неторопливым шагом вдоль Фонтанки в сторону Инженерного замка. С реки веяло сыростью, свойственной осени, но я жадно вдыхала насыщенный влагой воздух.

– Застегнись, – недовольно буркнул Бергер, когда я потянула вниз молнию куртки.

Сам он и не думал кутаться, спасаясь от ночной прохлады. Его плащ был по-прежнему расстегнут и в темноте казался зловещей тенью, следовавшей за ним по пятам.

– Мне душно! – капризно ответила я и выпятила нижнюю губу.

Питер остановился, резко дернул меня за локоть на себя. От неожиданности я споткнулась и наверняка бы упала, но он поддержал. Прижал одной рукой к себе, а другой крепко обхватил мой подбородок. Наверное, во всем был виноват глинтвейн, но в тот момент я была готова поклясться, что его глаза в темноте светились. Холодным, будто изумрудным, огнем. Я отпрянула, но Бергер держал крепко. Прошептал еле слышно:

– Докажи, что ты любишь Демидова, Лисса…

И поцеловал.

Сильно, резко, до боли стискивая мой подбородок и яростно сминая губы, которые горели огнем. Меня трясло. От его напора и от нахлынувших эмоций. А еще от дикого первобытного восторга, который охватил все мое существо. Где-то глубоко внутри, на границе сознания, я знала, что происходящее следует немедленно прекратить, но я только теснее прижалась к обнимающему меня мужчине, и пыталась ответить. Неумело, но настойчиво. Питер зарычал, врываясь в мой рот языком, и подхватил под бедра, прижимаясь еще теснее. Я вцепилась в его плечи, пытаясь удержать равновесие, и случайно коснулась кожи на затылке. Руку опалило огнем. Ледяным огнем. Я тихо заскулила от внезапной боли, хватая ртом воздух, а Бергер замер, продолжая удерживать меня на весу. Я видела проступившие на его висках капельки

пота и снова потянулась в поисках утешения к его губам, но мужчина отстранился, поставил меня на землю и хрипло спросил:

– Сколько вам лет, Елисавета Александровна? Только честно.

– Двадцать один, – прошептала я.

– И Георгий Алексеевич так и не нашел времени поцеловать вас хотя бы раз? – в его голосе сквозила насмешка.

– Нет, – ответила я честно. – Не нашел.

И вспомнила ту, другую, кого Егор целовал. И не только.

Питер сгреб меня в охапку, крепко прижимая к себе.

Мы стояли посреди моста над Фонтанкой. За нашими спинами высилась громада Инженерного замка. Петр Бергер перебирал мои волосы руками, вытирал откуда-то появившиеся слезы и шептал:

– Теперь ты моя, Лисса. Моя и больше ничья.

И я верила ему. Я прижималась к нему, стремясь вернуть хотя бы малую толику той невероятной нежности, что сквозила в каждом его движении.

А потом рядом с нами остановился неприметный автомобиль. Из него вышел уже знакомый мне пожилой мужчина и произнес:

– Петр Евгеньевич, мне следует проводить Елисавету Александровну в отель. Уже поздно. Алексей Павлович переживать изволят.

Он распахнул передо мной дверь, и я молча забралась на заднее сиденье. Питер не пытался меня удержать.

Глава третья

– Елисавета Александровна, просыпайтесь! Елисавета Александровна, ну нельзя же быть такой соней! Лисса, подъём!

Я с трудом открыла глаза, пытаясь понять, где нахожусь и что вообще происходит.

Сквозь чуть раздвинутые шторы в комнату лился яркий солнечный свет. У моей кровати стоял Питер Бергер и нахально улыбался. В одной руке он держал картонную подставку с двумя высокими стаканами кофе, а в другой – коричневый бумажный пакет.

– Лисса, вставай! Пока охрана не очнулась! Или ты хочешь провести взаперти весь день?

Я села, подтянув к подбородку одеяло, и спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Похищаю тебя, разве не видно? – весело спросил Питер и подмигнул. – Давайте-ка, Елисавета Александровна, поднимайтесь. Вы же для этого приехали в наш прекрасный город?

– Не хочешь отвернуться? – буркнула я, еще плохо соображая.

– Так ты согласна? – воскликнул Бергер в притворном удивлении и, перехватив мой яростный взгляд, добавил тише: – Все! Уже отвернулся. И вообще молчу!

Сегодня на нем были голубые джинсы, ничем не приметная дутая куртка с капюшоном, а на ногах кроссовки. Питер поставил кофе на небольшой столик у окна, а сам устроился в кресле, спиной ко мне. Потянулся к пакету, в котором оказались покрытые сахарной пудрой пышки. Мой рот тут же наполнился слюной, а в животе заурчало.

– Поторопитесь, Елисавета Александровна. Я не железный и страшно голодный, к тому же!

Я вскочила с кровати и, схватив вещи, скрылась в ванной. Меня заметно потряхивало, пока я приводила себя в порядок. Спутанные после сна волосы никак не хотели ложиться ровно, дрожащие пальцы не слушались, когда я пыталась застегнуть белье. А глаза горели странным огнем, и я снова не узнавала себя. Смотрела словно со стороны на бестолково суетящуюся глупую девчонку, которую впервые в жизни пригласили на свидание.

Елисавета Александровна Аракчеева-Головина непременно почувствовала бы себя оскорбленной, возможно даже вызвала охрану, или, напустив на себя надменный вид, холодно попросила бы возмутителя спокойствия покинуть номер. Но той Елисаветы больше не было. Я осознала это отчетливо в тот момент, когда поняла: я готова идти за ним хоть на край света. Не существовало больше ни обязательств, ни долга. Был только сжигающий душу огонь, в глазах и еще где-то глубоко внутри, заставляющий меня следовать за этим человеком.

Прошлой ночью в машине мне хватило выдержки не разрыдаться. Я отречено смотрела на холодный, закованный в камень Санкт-Петербург, проплывающий за окном, но все же заставила понервничать своего сопровождающего, изъявив желание пройтись до Дворцовой площади, прежде чем отправиться в отель. Машина остановилась на набережной реки Мойки, и дверь распахнулась. Мужчина подал мне руку.

Было глупо надеяться, что мне позволят остаться одной. Но я уговорила себя не обращать внимания на двух охранников, следовавших за мной на небольшом расстоянии. Усмехнулась и достала телефон.

Демидов-старший не спал. Он тут же взял трубку и спросил ласково:

– Лизонька? Почему так поздно? Что-нибудь случилось?

– А должно, Алексей Павлович? – я постаралась скрыть сквозящую в голосе иронию, но Демидов заметил, конечно.

– Ты в отеле? – сменил он тему.

– Вышла прогуляться ненадолго. На Дворцовую.

– Почему так поздно?

– Алексей Павлович, я не могу дозвониться до Егора. Вы не знаете, где он?

– Переговоры затянулись, Лизонька. Те самые, из-за которых он не смог поехать с тобой, – проговорил Демидов немного устало. – Уже поздно, дочка. Возвращайся в отель. Не заставляй старика переживать.

– Конечно, Алексей Павлович. Спокойной ночи! Вы только не говорите Егору, что я его искала.

– Не скажу, Лиза. И тебе доброй ночи!

На Дворцовой царило оживление. Люди торопились к Неве, боясь пропустить начало разводки мостов. Меня вдруг охватило странное уныние. События последних суток обрушились на меня разом, и я впервые в жизни не могла позвонить Егору, чтобы просто поговорить. Поболтать о жизни, о ничего не значащих мелочах. Демидов-старший был не в курсе нашей размолвки. Теперь я была в этом уверена. Егор не собирался оправдываться. Но и отказываться от планов не собирался. Возможно, я тоже была не права, сорвавшись вот так…

Но теперь все изменилось.

Когда я вышла из ванной, Питер поднялся, окинул меня изучающим взглядом и сказал:

– Поешь, а то кофе сейчас совсем остынет. А я пока постараюсь что-нибудь сделать с твоими волосами. Уж больно они приметные.

Я послушно протянула ему резной гребень, украшенный янтарем, и опустилась в кресло.

– Занятная вещица, – произнес Питер, рассматривая безделушку. – Подарок?

– Это мамин.

– Прости.

– Не стоит. Я ее не помню. Почти.

Я потянулась за пышкой. Они были изумительными, а кофе горьким. Питер легко скользил гребнем по волосам от основания и до самых кончиков, достигающих поясницы, а я была готова урчать от удовольствия. Скоро мою голову украшали несколько колосков, собранных в высокий хвост на затылке. С пышками тоже было покончено. Забывшись, я совсем не аристократично облизала ставшие сладкими от пудры пальцы. За спиной раздался сдавленный смешок, и я покраснела. Чтобы перевести тему, я спросила:

– Где ты научился плести косы?

– Секрет, – усмехнулся Бергер и слегка потянул меня на себя, заставляя запрокинуть голову.

Я подчинилась, уже зная, что последует следом, и не желая сопротивляться. Замерла, задержав дыхание, со страхом и восторгом ожидая момента, когда он коснется моих губ своими. Но Питер медлил, только сильнее потянул за волосы у основания хвоста. Я зажмурилась и почувствовала его дыхание совсем рядом.

– Почему ты меня не боишься, Лисса? – спросил он вместо того, чтобы поцеловать.

Я разочарованно вздохнула и открыла глаза.

Его губы были совсем рядом и сводили с ума. Я потянулась к ним сама, не желая отвечать на глупые вопросы, на которые у меня все равно не было ответов.

– Я жду! – напомнил он, рыкнув.

– Я могу закричать, – нехотя прошептала я, – и через секунду комната будет полна охранников, а ты будешь лежать на полу лицом вниз, и очень повезет, если будешь в сознании.

– Почему не кричишь? – его бровь удивленно поползла вверх, и я хмыкнула, облизнув верхнюю губу. Питер сглотнул, и в то же мгновение его рука легла мне на горло, сжимая. – Кричи, Лисса! Ну же!

Я не могла. Дыхания не хватало, сердце колотилось как бешеное, а я смотрела в изумрудные глаза, в которых вновь полыхало ледяное пламя. Оно завораживало и не отпускало.

Он накрыл мои губы своими, лишь немного ослабив захват, но не позволяя сделать полноценный вдох. Он пил меня и дарил мне столь необходимый кислород, одновременно сме-

шивая наше дыхание и лишая меня способности мыслить. Я умирала. Я проваливалась в темноту, снова и снова царапая ногтями руку, сжимающую мое горло. Петр Бергер смеялся глухо, скользил языком по губам и аккуратно собирал слезы, катившиеся по моим щекам.

А потом все закончилось. Я оказалась на его коленях. Он баюкал меня, прижимая к груди и накручивая на палец одну из моих косичек. А я хватала ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание, и отчаянно боялась, что он снова уйдет, оставив меня одну.

– Собирайся, – шепнул он, целуя меня в висок. – Нужно идти, иначе потом будет поздно.

Почему-то я подчинилась.

Минут через пять из зеркала на меня смотрела девчонка-подросток со смешными косичками в узких темных джинсах, кроссовках и спортивной куртке.

– Нормально вроде, – протянул Питер и посмотрел на меня с сомнением. – По деревьям лазать умеешь?

Я помотала головой.

– Жаль, – изрек Бергер. – Очень полезный навык, между прочим. Ну да ладно, поймаю, если что. Пошли уже!

И он потащил меня к окну.

Как оказалось, мой номер находился на последнем этаже, к тому же в торце здания, а одно из окон выходило на декоративный балкончик. Питер распахнул окно, плавно скользнул наружу. Чуть замешкавшись, я последовала за ним. Бергер легко переступил через невысокое ограждение, оказавшись на довольно широком каменном выступе, ухватился за водосточную трубу и в два счета преодолел небольшое расстояние до крыши соседнего здания. Махнул рукой, приглашая следовать за ним.

И я полезла…

Страшно было только первые несколько шагов. Настолько, что ладони вспотели, а во рту пересохло. Я бросила всего один взгляд вниз, и к горлу подступила тошнота.

Но возвращаться было глупо. И я решительно протянула руку, вцепившись в водосток. Всего один шаг над пустотой, и Питер поймал меня, потянул на себя, помогая удержать равновесие, но вместо этого мы повалились на влажную от утренней росы крышу.

– Елисавета Александровна, оказывается, вам не чужд авантюризм! Я впечатлен! – произнес мой похититель. – Вставайте же, нас ждут великие дела!

Дорогу Питер Бергер, надо отдать ему должное, знал отлично и пути отступления продумал до мелочей. Пару зданий мы миновали, пройдя по крышам, пока, наконец, не достигли неприметной двери, которую Петр открыл своим ключом. Мы оказались в душном сумраке парадной, красивой даже в окружающей нас в темноте. Изящная лепнина на потолке, мозаика на стенах и витражи, от одного вида которых захватывало дух.

Я против воли остановилась, чтобы рассмотреть эту красоту, но Бергер упрямо потянул меня вниз, прошипел недовольно:

– Не тупи, Лисса!

Я сдавленно захихикала и поспешила следом за ним, чтобы через мгновение оказаться в небольшом, но ухоженном, явно закрытом внутреннем дворе. Пискнул брелок сигнализации, и мой спутник открыл передо мной дверь неприметного автомобиля.

– Такси? – спросила я, устроившись на заднем сиденье.

– Пристегнись, – напомнил Питер и добавил, заметив мой удивленный взгляд: – На всякий случай. Такси привлекает меньше внимания.

– Кажется, меня все-таки похитили, – пробормотала я себе под нос, когда мы выехали из двора на тихую и совершенно пустую улицу.

– Вы только сейчас это поняли, Елисавета Александровна? – спросил он без тени усмешки.

Вдруг стало страшно. Точно так же, как совсем недавно на крыше. Страх прострелил позвоночник и расплавленной лавой опалил внутренности, заставляя сердце биться в два раза быстрее. Я прикрыла глаза, пытаясь справиться с нарастающей паникой, с опозданием осознавая, что мой телефон остался на кровати в номере отеля. Я сглотнула, собираясь задать один очень важный вопрос. Но не смогла. Вместо этого, повинуясь дикому, первобытному желанию, я протянула руку и коснулась тонкой змейки татуировки, исчезающей в темных волосах моего похитителя. Бергер вздрогнул, подался вперед, словно хотел избежать еще одного касания. Но было поздно. Я завороженно смотрела, как под моими пальцами оживала нарисованная чешуя, обжигая кожу ледяным огнем.

– Лисса! – вдруг заорал Бергер и ударил по тормозам.

Меня швырнуло вперед, потом резко отбросило назад, и я замерла, сцепив на коленях руки.

– Что ты творишь, Лисса? – спросил Бергер, не оборачиваясь.

Я не знала, что ему ответить. Только до крови закусила нижнюю губу и смотрела прямо перед собой. Все происходящее, начиная с событий в Москве, больше не укладывались в моей голове. Казалось, что мной движет какая-то неведомая сила, заставляя раз за разом совершать глупые, совершенно не свойственные мне поступки. Я уже была готова умолять Бергера разблокировать дверь и отпустить меня, когда он спросил:

– Елисавета Александровна, отвезти вас в отель?

И я ответила:

– Нет, Петр Евгеньевич, вы обещали мне приключение. Извольте исполнять.

Глава четвертая

Людей в электричке было немного. Я старалась, честно старалась, не вертеть головой по сторонам, привлекая к нам излишнее внимание. Бергер еле сдерживал себя, чтобы не расхохотаться в голос.

Ну а что такого? Да, я впервые в жизни оказалась в электричке.

Финляндский вокзал разительно отличался от Московского, не столько архитектурой, сколько самой атмосферой. Весьма запущенный зал ожидания был полон аккуратных старушек с сумками, спешащих на дачу, молодых людей с походными рюкзаками, пытающихся поймать за хвост стремительно уходящую теплую погоду. Тут и там попадались семьи с детьми и даже с собаками, решившие провести последние теплые выходные на взморье.

О том, что мы едем в Комарово, я узнала у пригородных касс, когда, крепко удерживая меня за руку, Бергер покупал билеты. Туда-обратно. Это вселяло в меня некую надежду. В целом, наскоро оценив ситуацию еще в машине, я поняла, что наш импровизированный побег есть ни что иное, как месть Петра Евгеньевича Бергера Георгию Алексеевичу Демидову. Вероятно, за вчерашний автомобиль на набережной реки Фонтанки и абсолютно прозрачную просьбу "так больше не делать". Но Питер не был бы Питером, если бы позволил легко отодвинуть себя в сторону.

Я знала наверняка, что, не обнаружив меня в отеле, охрана немедленно свяжется с Егором. А тот – с Бергером. И последний вряд ли станет держать интригу до конца. Более того, я была уверена, что стоило нам только сесть в электричку, как Питер сам отправил сообщение Демидову.

– Думаешь, тебя будут искать? – словно прочитав мои мысли, тихо спросил Бергер.

– Прекрати копаться в моей голове! – возмутилась я и, подумав, добавила: – А что? Не будут?

– Будут, – подтвердил мои догадки Питер. – И даже найдут.

– Они тебя убьют! – воскликнула я и тут же прикрыла рот рукой, краснея под заинтересованными взглядами соседей по вагону.

– Не переживайте, Елисавета Александровна! – беспечно произнес мой спутник. – Даже если и найдут, но так, проучат немного. Но для этого нас еще надо поймать. Выходим на следующей!

– Так Репино же?! – удивилась я.

Ответом меня не удостоили.

Спустя всего пару минут мы стояли на небольшом, абсолютно пустом полустанке. Телефон Бергера так и остался лежать на сиденье в вагоне электрички, следующей до Выборга.

– Ну что, Елисавета Александровна! Готовы попрощаться с прежней жизнью? – спросил Питер, едва мы покинули небольшую привокзальную площадь и, перейдя Приморское шоссе, оказались среди осеннего леса. Пахло морем. И еще чем-то приторным, возможно прелой листвой. И от этого снова кружилась голова. От запаха, и еще немного от счастья.

Я застыла на месте, глядя на небо, необычно светлое и высокое для первого дня октября. А потом засмеялась, обнимая себя за плечи, и побежала вперед.

Но Питер не дал мне далеко уйти, легко нагнал, обхватил обеими руками поперек живота и приподнял над землей, заставив взвизгнуть от неожиданности.

– Вы не ответили мне, Елисавета Александровна… – напомнил он, проведя носом по моей шее, отчего кожа покрылась предательскими мурашками.

– Я не знаю ответа, Петр Евгеньевич, – прошептала я и, развернувшись, положила руки ему на плечи.

– Не знаешь?

– Нет…

В этот раз его губы были сладкими. А еще нежными. И я таяла от этих поцелуев, рискуя потерять себя.

– Давно не была на море? – спросил Питер, когда спустя примерно полчаса мы все-таки достигли поросшей соснами дюны.

– Давно, – выдохнула я, замирая от восторга.

День был ясным. Синяя гладь Финского залива, словно зеркало, отражала солнечные лучи, заставляя щуриться от нестерпимо яркого света. Вдоль прибоя бродили люди. Кто-то выгуливал собак, кто-то просто бесцельно шел вперед вдоль кромки воды, рискуя промочить ноги. Странно, но ветра не было. Слева вдали чернела громада Санкт-Петербурга, и контраст этот столь бросался в глаза, что город казался иллюзией, неуместным среди курортной тишины фантомом.

А впереди сквозь сизую дымку проступали очертания покрытого деревьями острова.

– Что там? – спросила я, указывая рукой направление.

– Котлин, – ответил Бергер. – Кронштадт. Ты была там?

– Никогда.

– Придется это исправить, Елисавета Александровна. Вы имеете что-то против заброшенных фортов?

– Никак нет, Петр Евгеньевич!

– Это прекрасно! Я ценю в девушках отвагу.

Было что-то уютное в этих немного странных, но таких значимых диалогах. Словно за каждым словом скрывался десяток других, куда более важных, слов.

Некоторое время мы молчали. Просто шли вперёд вдоль моря.

– Ты не хочешь рассказать мне, что все-таки случилось? – вдруг спросил Бергер.

– В смысле?

– Ну я похищаю тебя, рискуя здоровьем, и даже жизнью, спасаю из-под опеки Демидова, а ты в благодарность не хочешь рассказать мне хотя бы немного? Хоть чуточку? – Питер сложил руки в умоляющем жесте и теперь смотрел на меня преданным щенячьим взглядом.

Но я ему не верила. За всем этим интересом скрывалось что-то еще. Я не знала, что именно. И, возможно, хотела бы прожить без этого знания всю жизнь. Но увы.

– Что ты хочешь услышать? – спросила я устало, всем своим видом демонстрируя, что не хочу об этом говорить.

– Как что? – удивился Бергер, заметно оживившись. – Смотри! Демидов-младший в бешенстве. Впервые, хочу заметить. Никогда прежде он не позволял себе демонстрировать подобные эмоции. Одновременно с этим, буквально за пару часов он поднимает практически всех своих людей в Питере с приказом не спускать глаз с некой девицы Аракчеевой-Головиной, которая вот уже много лет приходится ему невестой. Девица эта заметно раздражена, раз позволяет себе глупые игры с охраной. А Демидов-старший просто осуждающе качает головой, мол молодежь, милые бранятся – только тешатся. И все!!! Так что происходит, Елисавета Александровна? Почему вы здесь?

– Потому что захотелось? – Я остановилась, вынуждая его остановиться тоже.

Рядом с нами возвышался полуразрушенный корпус старого, еще советской постройки, санатория: серые обшарпанные стены, лоджии с облупившейся штукатуркой и старая бетонная набережная – променад. Питер легко подхватил меня под бедра и усадил на парапет спиной к морю.

– Не скажешь по-хорошему? – спросил он, слегка потянув меня за одну из косичек. Мужчина задумчиво расстегнул молнию на моей куртке и скользнул рукой под тонкий трикотажный джемпер, касаясь прохладными пальцами кожи на пояснице. Я прижалась к мужчине теснее, подставляя губы для поцелуя.

– Ты всегда поступаешь так, как хочется, Лисса?

Кажется, я застонала. От глухого разочарования, конечно. Потому что Питер вдруг рассмеялся, притянув меня к себе. Я обхватила его ногами за талию и попыталась обнять его за шею. Но Бергер не позволил, перехватил за запястья и мягко завел мне руки за спину, заставляя прогнуться ему на встречу. Его губы скользнули в обжигающем поцелуе по подбородку и спустились на шею.

– Я жду ответов, Елисавета Александровна! – напомнил он, слегка укусив меня за нижнюю губу. Я чувствовала все нарастающее напряжение его бедер, слышала, как глухо, с перебоями стучит его сердце. Потянулась к его рту, снова требуя поцелуя, но он легко увернулся. Наконец отпустил мои руки и положил ладонь на бедро, скользящим движением провел вниз, до колена, и вернулся вверх. Даже сквозь плотную ткань джинсов я чувствовала идущий от его пальцев жар.

Он столкнул нас лбами, и, удерживая меня за затылок, произнес:

– Что случилось в Москве, Лисса? Это важно.

И я рассказала ему все.

Это оказалось так просто. Стоило только начать, как слова сами полились наружу. Я сидела на каменном парапете посреди пустынного пляжа и, захлебываясь слезами, рассказывала едва знакомому мужчине, как мой жених у меня на глазах занимался любовью с другой.

– Он ее трахал, Лисса. Это называется именно так, – произнес Бергер, ухватив меня за подбородок и заставляя посмотреть ему в глаза. – Демидову почти тридцатник. Неужели ты думала, что он, ожидая, когда ты повзрослеешь, будет блюсти целибат?

Я всхлипнула.

– И ты решила отомстить?

Я кивнула, мокрые от слез щеки залил непрошенный румянец.

– Все не так просто, Лисса. И все зашло слишком далеко. Ведь я просто не смогу тебя отпустить, даже если очень захочу, и на это есть причины. Демидов совершил ошибку, но он сделает все, чтобы ее исправить. Ты его, Лисса. Пока еще его.

– Поцелуй меня! – попросила я, внутренне сжимаясь от того, как жалко прозвучали эти слова.

– Только если ты пообещаешь мне кое-что, хорошо?

– Что?

– Не касаться татуировки на шее. Обещаешь?

– Да… – выдохнула я, обмирая от собственной храбрости.

Нежности не было. Питер Бергер больше не жалел меня. Он напирал, ломая и круша все преграды, которые я столь тщательно выстраивала последние годы. Доказывал, что может быть грубым, даже безжалостным. Уверял, что он не ангел. Отнюдь. И может быть мерзавцем. Он пугал меня. Он сводил меня с ума. Он терзал мои губы, кусал за шею и до боли стискивал руками бедра, оставляя на них синяки. Мы по-прежнему были на заброшенном променаде, и внизу, у кромки воды, стыдливо отводя от нас взгляды, прогуливались люди.

А потом я сдалась. Протянула руку и коснулась его затылка. Чешуя под моими пальцами мгновенно ожила, и в то же мгновение голову разорвало осознанием чужого присутствия.

Глава пятая

Я летела. Я летела высоко над облаками. Я парила в бескрайней пустоте голубого неба. Мои крылья, словно горный хрусталь, мириадами огней отражали солнечный свет, радугой рассыпая вокруг бесплотные кристаллы… Счастье, безграничное счастье – вот что заполнило меня всю. Сложив крылья, я ринулась в пике, стремясь поймать легкое воздушное облачко, что казалось мне сахарной ватой. Оно было уже совсем близко, и я даже приоткрыла пасть, выпуская тонкую струйку дыма, когда огромная тень загородила собой солнце. Я запаниковала, почувствовав чужую необузданную ярость, кувыркнулась пару раз, потеряв на несколько мгновений способность ориентироваться в пространстве, и, нелепо расправив крылья, попыталась уйти от преследователя. Куда там… Огромная тень накрыла меня сверху, а потом я почувствовала, как острые зубы впиваются мне в холку…

– Лисса! Лисса! Давайте-ка, Елисавета Александровна, пошутили и хватит!

Я проснулась от того, что кто-то весьма ощутимо хлопал меня по щекам. Все тело ныло, а у основания шеи пульсировала резкая боль. Где это я так приложилась? Упала? Я коснулась затылка рукой, ожидая нащупать как минимум шишку…

– Лисса!!! Ты узнаешь меня?

– Что?

Конечно, я его узнала.

Питер Бергер склонился надо мной и теперь смотрел в упор с таким неудовольствием, словно раздумывал: надавать мне еще пощёчин, или уже достаточно…

Достаточно!

Щеки горели. А взгляд моего то ли похитителя, то ли телохранителя сверкал холодными изумрудами в окружающем нас сумраке. Я приподнялась на локтях и оглянулась. Спросила, переведя на Бергера встревоженный взгляд:

– Где мы?

– В надежном месте, – ответил он устало и, бесцеремонно отодвинув мои ноги в сторону, уселся рядом. Старая пыльная кушетка жалобно скрипнула под его весом.

– А если точнее?

– В Комарово, как и планировали.

– Ты планировал! – напомнила я.

– Я! Конечно, я, Елисавета Александровна! А как иначе!

– И?

– Что?

– Петр Евгеньевич… – простонала я, закрывая лицо руками. – Хватит шутки шутить. Что с моей головой?

Он оказался рядом за десятую долю секунды. Я не успела даже моргнуть, как почувствовала его дыхание на своей щеке. Почему-то захотелось зажмуриться. Я вспомнила свой недавний сон, и острая боль снова пронзила затылок.

– Оххх…

– Лисса! – И столько было возмущения в этом возгласе, что я невольно улыбнулась. Коснулась рукой его щеки и спросила:

– Что со мной случилось?

– Ты ударилась затылком, Лисса. Неудачно поскользнулась на мокрых камнях.

– Но я ничего не помню… Только как… Мы…

– При ударах головой такое случается, Елисавета Александровна. Вам нужно отдохнуть, – проговорил он ровно.

– Мне нужно вернуться в отель! – спохватилась я, отлично понимая, насколько глупо это звучит.

– Завтра утром, обещаю. Сегодня уже поздно, Елисавета Александровна.

– Поздно?

В небольшой комнатушке, где мы находились, было всего одно окно. И шторы на нем не было. Я ясно видела, что вечер еще не наступил.

– Еще светло. И можно заказать такси…

– Я потерял телефон, – сообщил Бергер, слегка пожав плечами.

– В электричке?

– В электричке! – Питер радостно кивнул.

– Не смешно, Петр Евгеньевич!

– Вы так думаете? А зря!

– Меня будут искать! – напомнила я.

– Почему будут? – удивился Бергер. – Уже ищут. Причем давно.

– И?

– Что?

– Издеваешься?

– Я? – воскликнул Питер, а я прикрыла глаза, сдаваясь.

– Только не спи, Лисса! Не время…

Я не знала, что целовать можно так нежно. Я никогда не думала, что столько внутренней боли можно передать всего лишь через легкое касание губ. Я снова кружилась в бездонной пустоте, а невозможный Питер Бергер покрывал мое лицо легкими поцелуями, нежно гладил ладони мозолистыми кончиками пальцев и бормотал почти бессвязно:

– Лисса! Моя Лисса… Только моя…. Не отдам. Не смогу… я первый тебя нашел…

– Питер…

– Помолчи! Я прошу тебя, не нужно ничего говорить, Лисса! Просто позволь поверить, хотя бы на мгновение, что ты моя…

– Петр Евгеньевич, вы тоже ударились головой? – Его напор смущал, и я из последних сил пыталась все перевести в шутку, вот только зря.

– Не верите мне, Елисавета Александровна? – Он резко отстранился, и сразу стало холодно и одиноко. Спросил: – Действительно, с чего бы? Только со мной все ясно, а чего хотите вы? Лисса, почему ты здесь?

Я не знала. А потому села, свесив ноги с кушетки. И сдавив руками виски, прикрыла глаза. Кажется, я сходила с ума.

– Почему? – прошептала еле слышно.

– А ты не знаешь? – раздалось в ответ.

Я не знала.

– Что ты чувствуешь, Лисса?

Я задумалась. Сильнее сжала ладонями голову, надеясь, что смогу сосредоточиться, отвлечься от пульсирующей боли.

– Безнадежность, – проговорила негромко. – Тоску. Боль потери…

– А еще?

Я услышала, как Бергер вскочил на ноги и принялся мерить комнату шагами.

– Я не знаю… Правда не знаю. Я словно потерялась и не могу найти выход в темноте.

Глаза я все-таки открыла.

– Как и есть, Лисса, – проговорил Питер и замер у окна, через минуту продолжив совсем другим тоном: – А знаете, Елисавета Александровна, не пора ли нам отужинать?

– Серьезно?

– А вы думаете, что я буду морить вас голодом? – спросил он немного обиженно.

– Это не продуктивно, Петр Евгеньевич.

– Что именно? Морить голодом или развлекать беседой?

– Так что с ужином? – напомнила я и поднялась, разминая мышцы.

– Придется пройтись до ближайшего отеля.

– Я за!

С улицы дом оказался резным, потемневшим от времени теремом. Старая дача в Комарово, явно дореволюционной постройки, стоящая на первой линии от залива. Когда-то безумно богатая, покрытая неуловимым финским флером, а сейчас обветшавшая, заброшенная и никому не нужная.

– Чей это дом? – спросила я, едва мы вышли за калитку.

Питер не ответил, сосредоточенно набирая код на электронном замке. И только когда мы спустились к морю, произнес:

– Мой. Теперь снова мой. Мой прадед здесь родился. И его дед. Но, как сама понимаешь, многое с тех пор изменилось.

– Думаешь, Демидовы не знают о нем?

– Пока не знают, – он легкомысленно пожал плечами. – Но скоро узнают, несомненно. Я же сказал, нас уже ищут, Лисса.

– А мы и не думаем скрываться?

– В этом нет никакого смысла, Елисавета Александровна. Мы просто немного тянем время.

– Зачем?

– Чтобы насладиться свободой, конечно! Ты разве не для этого приехала в Питер?

Для этого. Глупо было отрицать. Поэтому я промолчала, а мой спутник не стал настаивать. Просто взял за руку и повел за собой. Солнце клонилось к закату, над заливом поднялся ветер.

Уже за ужином, сделав небольшой глоток сухого терпкого вина, я все-таки спросила:

– Так почему мы здесь?

Питер удивленно вскинул бровь и произнес, даже не стараясь скрыть усмешку:

– Хотели поужинать. Запамятствовали, Елисавета Александровна?

– Петр Евгеньевич, не юлите! – ответила я строго. – Я не маленькая девочка! Что происходит?

В зале было занято всего пару столиков, играла тихая музыка. Было уютно, спокойно и тепло. Принесли заказ. Бергер принялся за еду, так и не удостоив меня ответом.

– Ты родился здесь? В Питере? – я решила зайти с другой стороны.

– В Выборге, у самой границы.

– Ты финн?

– На половину, даже на четверть. Мой дед был финном.

– А Демидовы?

– Финны ли Демидовы? – он рассмеялся и поднес ко рту бокал с вином. – Насколько я знаю – нет, но вам должно быть виднее, Елисавета Александровна.

– Издеваешься?

– Как можно!!! Заказать тебе десерт?

– Не нужно. Благодарю, – ответила я, пытаясь проглотить внезапно вспыхнувшую обиду.

– Девочка не любит сладкое?

– Тебе не кажется, что нам пора?

Он бросил взгляд на часы на руке. Потом внимательно посмотрел на меня, я упрямо вздернула нос. Улыбнулся криво. И снисходительно. И, наконец, кивнул, соглашаясь. Жестом подозвал официанта.

Когда мы вернулись на берег, уже стемнело. Пронзительный ветер, казалось, продувал насквозь. Я поежилась, кутаясь в короткую курточку. Бергер бросил встревоженный взгляд туда, где на линии горизонта мелькали редкие огни. Мои ноги увязли во влажном песке. Кроссовки моментально промокли. Я потянула Питера за рукав, и мы направились в сторону дачи.

Я должна была спросить и добиться от него ответа. Мне как воздух были необходимы его слова. Но он молчал, все больше подтверждая уже известную мне истину: никакой свободой тут и не пахло. Спросила громко и излишне резко:

– Зачем я тебе, Бергер?

Он остановился. Встал как вкопанный и посмотрел куда-то, словно сквозь меня. Я замедлила шаг, ожидая, что мужчина догонит, но он не стал этого делать. Просто позвал негромко по имени, а потом закричал, перекрывая шум прибоя:

– Я люблю вас, Елисавета Александровна! Люблю!

Я обернулась. Он стоял у самой кромки воды, раскинув в стороны руки и запрокинув голову. Шут! И мое имя, то самое, которым называл меня только он, непривычное, нежное, эхом разносилось над заливом:

– Лисса… Лиссаааа… Лиссаааа….

На душе вновь сделалось тревожно. Я развернулась и побежала к нему, кинулась на шею, почти сбивая с ног, но Питер устоял. Прижал к себе крепко-крепко и зашептал:

– Моя Лисса, моя. Моя…

Это было странно. Словно мы застыли на краю света, рискуя в любой момент провалиться в бездну. Бездну, которая станет для нас гибелью… Либо спасением. В этот момент я поняла, что моя жизнь изменилась. Изменилась навсегда. Потому что без него, без ехидного, безрассудного мужчины, она больше не будет настоящей. Я прижалась к его губам, торопливо, собственнически, и прошептала, глотая от волнения слова:

– А если и я люблю тебя? Что тогда, Питер Бергер?

– Глупая! Моя глупая Лисса…– услышала я в ответ, и прежде, чем слезы хлынули из моих глаз, он захохотал, еще ближе, почти до хруста костей, прижимая меня к себе. – Теперь только моя. Я не отдам тебя… Умру, но не отдам…

Именно тогда я со всей ясностью осознала, что нас больше не будет. Этот вечер на берегу Финского залива никогда не повторится по одной простой причине – уже завтра нас найдут, и тогда…

– Они не посмеют… – сказала я, заключая его лицо в ладони. – Они не…

– Лисса, не ври хотя бы себе, – он улыбнулся по-мальчишески задорно и потерся носом о мою ладонь. – Но я ни о чем не жалею, потому что ты уже моя. Ты стала моей, Елисавета…

На дачу мы возвращались почти бегом, без конца спотыкаясь о камни в темноте и глупо хихикая при этом. Бергер непозволительно долго боролся с кодовым замком на калитке, а я изнывала от нетерпения за его спиной. Страха не было. Желание, безумное желание обладать им здесь и сейчас, затмило для меня действительность. Или в этом было виновато красное вино, столь необдуманно выпитое мной за ужином. С трудом заставив себя оторваться от его губ, я скрылась в тесной уборной. Умылась холодной водой, пытаясь прийти в себя. Тщетно. Кончики пальцев гудели от возбуждения, от необходимости прикоснуться к мужчине, от которого меня отделяла всего лишь ветхая деревянная дверь.

А Питер Бергер ждал… Ждал меня в крохотной спальне. Он бросил куртку на шаткий стул в углу, за ней последовал джемпер. Оставшись в джинсах и футболке, он смерил меня внимательным взглядом и сел. Разрывая тишину, пронзительно взвизгнула сетка-кровать. В комнате было темно, только неясный, рассеянный свет уличных фонарей освещал небольшое окно. Пахло пылью, сыростью и морем. Я сделала несмелый шаг, и под моими ногами заскрипели половицы. Словно отвечая, от ветра застонала крыша. Казалось, что старый дом жил, дышал и защищал нас от всего мира. Пока защищал. Я сняла куртку, стащила через голову свитер.

Снова заскрипела кровать. Где-то рядом резко выдохнул Питер, и его горячая ладонь легла мне на живот. Я задрожала. От предвкушения и страха. Сухие губы тем временем коснулись затылка, он слегка потянул за кончик одной косы, потом другой, умело расплетая волосы. Мужские руки скользнули на плечи, сдвигая лямки лифа. Кожа покрылась мурашками. Я отстранилась. Пальцы не слушались, когда я попыталась расстегнуть собственные джинсы. Питер сделал шаг вперед, я попятилась, споткнулась и упала на кровать. Где-то совсем рядом раздался приглушенный смех.

– Вы боитесь меня, Елисавета Александровна? – спросил он, и я скорее почувствовала, чем увидела, как по его губам скользнула улыбка.

– Если только чуть-чуть, Петр Евгеньевич, – ответила я, стараясь придать голосу хоть немного сарказма.

Не вышло.

– Кого ты обманываешь, Лисса? – прошептал он мне в губы.

– Себя… – ответила я и облизнулась. Потянулась руками к нему, задирая футболку и касаясь обнаженного торса. Джинсы полетели на пол: сначала мои, потом его.

Кровать взвыла, когда он лег рядом, на холодные, чуть влажные простыни, заставляя меня прижаться спиной к колючему шерстяному ковру на стене. Порыв ветра ударил в оконную раму, и под этим натиском дом затрещал, заставляя сердце биться быстрее, но устоял. Бергер прижал меня к себе, закинув на бедро ноги. Потерся колючим подбородком о плечо, щекоча и царапая одновременно. Я приглушенно засмеялась, отбиваясь от этой ласки, и тогда Питер легко перевернулся на спину, усаживая меня сверху. За пару секунд справившись с застежкой, он стянул и отбросил в сторону кружевной бюстгальтер. Я поспешила прикрыться волосами, заливаясь краской под его пристальным взглядом. Глаза давно привыкли к темноте, и я видела, как Питер улыбается, заметив мое смущение.

– Ну же, Лисса! Пора быть смелее! Вы знали, на что шли, Елисавета Александровна!

Он смеялся надо мной. Смеялся даже сейчас, когда я чувствовала его желание, а потому подалась вперед и наклонилась к его губам, прося – нет, требуя! – поцелуя. Он обхватил руками мои ягодицы, заставляя прижаться плотнее, и поцеловал, врываясь языком в мой рот. Дыхание сбилось. Непроизвольно я потерлась о его грудь своей, он застонал, сдаваясь, и резко перевернулся, прижимая меня к кровати, которая снова заскрипела. От нового порыва ветра дом задрожал, и я испуганно прижалась к мужчине, обнимая его за шею… Касаясь чешуи татуировки…

В то же мгновение под моими пальцами словно ожила неведомая сила, Питер больше не сдерживал себя. От его поцелуев и ощутимых укусов горела кожа, я извивалась под ним, почти умирая и моля о чем-то большем. Живот скрутило судорогой, и казалось, что моему израненному сердцу тесно у меня в груди. Я до крови закусила губу, когда он оказался внутри, ожидая боли… А он собирал мои слезы, шепча только единственное слово:

– Прости… так надо, прости…

Дом тряхнуло от нового порыва ветра, комнату озарило вспышкой молнии, следом грянул гром. Бергер прижимал меня к себе, все наращивая темп. Я дрожала под ним, сходя с ума от неконтролируемого потока ощущений, теряя себя в темноте неизведанного лабиринта. А потом мое сознание вырвалась на свободу, снося все преграды.

Я уходила от погони, почти задевая брюхом морскую гладь залива. Тень моего преследователя уже закрыла собой полнеба. Я знала, что скоро сдамся, но упорно продолжала лететь вперед к узкой полосе песчаного пляжа на горизонте. Он догнал, больно вцепившись в чувствительный гребень на шее зубами, отчего весь позвоночник, от макушки и до кончика хвоста, будто молнией пронзило. Я попыталась вырваться, зная, что это бессмысленно. И его хвост

тут же обвил мой, мы переплелись в воздухе телами, неистово хлопая крыльями, чтобы через мгновение, пару раз кувыркнувшись в воздухе, рухнуть на холодный влажный песок…

Глава шестая

Я сладко потянулась и открыла глаза. Маленькую комнату заливал яркий солнечный свет, в лучах которого танцевали крошечные пылинки. Бергер не спал. Он смотрел на меня так, словно видел в последний раз, и пытался запомнить каждую черточку, каждый изъян, каждую веснушку на моей коже.

– Привет! – прошептала я.

– Привет! – ответил Питер и, улыбнувшись, спросил: – Как спалось?

– Нормально, спасибо!

Я осторожно повернулась на бок. Все тело ныло, будто накануне я бежала марафон. Страшно хотелось пить.

– Наверное, я должен извиниться…

– За что? – спросила я севшим голосом. События ночи, смешавшись с яркими картинами сна, обрушились на меня лавиной незнакомых чувств, а на глазах выступили слезы. Я попыталась скрыться под одеялом, но Бергер не позволил.

– Лисса! Елисавета! Прекрати немедленно! Ну где ты спряталась?

Он откопал меня среди горы одеял и подушек, притянул к себе на грудь и поцеловал в макушку. Я слышала, как надломлено, с перебоями стучит его сердце. Он мягко гладил меня по спине, успокаивая то ли меня, то ли себя самого.

– Нам нужно вставать. Времени осталось немного, – прошептал он и щелкнул меня по носу.

– До чего?

– До конца, – он улыбнулся грустно. – Я украл чужое, Елисавета Александровна. – Но не успел спрятать как следует. И теперь придется расплатиться за эту оплошность.

Он сел на кровати, и одеяло сползло с его плеч. На широкой спине, распахнув огромные перепончатые крылья, застыл изумрудный дракон. Он словно рвался вверх, в небесную высь, вытянув острую клыкастую морду, на лбу которой красовался острый, как наконечник стрелы, рог. Тонкие чешуйчатые вибриссы достигали шеи Бергера и исчезали в темных волосах на затылке. Дракон, готовый к битве за свое сокровище…

Бергер повел плечами, и дракон словно ожил, изумрудная чешуя заискрилась в утреннем свете.

– Как настоящий… – восторженно прошептала я и протянула руку, желая коснуться края гребня.

Но Питер не позволил, резко встал, ничуть не смущаясь своей наготы, подобрал раскиданные на полу вещи и, прежде чем скрыться в ванной, произнес:

– У нас очень мало времени, Лисса. Они идут.

Когда черная, уже знакомая мне машина, остановилась на узкой улице перед домом, мы были готовы к встрече гостей. Питер только что закончил плести столь любимую им французскую косу и, нежно укусив меня за шею, сказал:

– Ничего не бойся. Тебе они ничего не сделают, а я крепкий.

Я не успела ответить. Затрещал домофон. Бергер разблокировал калитку и встал, загораживая от меня дверной проем.

Резкий удар под дых должен был сбить его с ног, но Бергер устоял, только согнулся, словно в поклоне, и, хрипло рассмеявшись, произнес:

– Добро пожаловать, гости дорогие!

– Как был шутом, так и остался! – фыркнул Егор Демидов и осекся, поймав на себе мой испуганный взгляд. – За детьми прятаться вздумал, а, Бергер?

– За детьми? – Питер расхохотался. – Раскройте глаза, Георгий Алексеевич! Ваша малышка давно выросла.

Егор не удостоил его ответом. Застыл посреди комнаты, вероятно когда-то служившей гостиной, думая о чем-то своем. Двое незнакомых мне молодых мужчин нерешительно толкались на крыльце. Питер закашлялся, вытер тыльной стороной ладони рот и оперся спиной о стену. Я заметила капельки пота, выступившие у него на лбу, и подавила отчаянное желание броситься к нему.

Егор кинул на меня хмурый взгляд и произнес:

– Бергера в машину, я задержусь. Нам с Елисаветой Александровной нужно кое-что обсудить.

Один из парней сделал шаг к Питеру.

– Без рук! Сам пойду! – рыкнул тот и добавил совсем другим тоном: – Егор, девушку не обижай. Она не при чем!

– Без тебя знаю! – ответил мой еще пока жених.

Хлопнула входная дверь. Я замерла у окна, обхватив себя руками. Вдруг стало страшно и ужасно одиноко. Егор, мой Егор, который еще совсем недавно был для меня всем, за пару секунд превратился совсем в другого человека. Чужого, жесткого и мне неизвестного. Я знала, что настоящий он – именно такой, но все равно отказывалась верить. А потому не знала, как себя вести. Все изменилось, и я нашла силы признаться в себе в этом. Питер Бергер прав: девочка выросла, и теперь совершенно не знала, что делать со своей взрослой жизнью.

Впрочем, меня по-прежнему не спрашивали.

– Лиза, – позвал Егор тихо. – Ты в порядке?

– Полном, не переживай.

– Лиза, посмотри на меня пожалуйста!

– Что с ним будет?

– Это важно? – кажется, Демидов удивился.

– Для меня – да.

– Если не будет нарываться, останется жив.

– Ты пытаешься меня успокоить? Или напугать?

– А тебе есть до него дело, Лиза? – воскликнул Егор. – Он украл тебя! Он предатель, Лизавета!

Я кивнула, соглашаясь. Все так.

– Нам нужно идти. Самолет через несколько часов…

Егор осекся, застыв в дверях крохотной спальни, в которой мы с Питером провели эту ночь. Здесь все осталось без изменений. Смятая постель, брошенное на полу одеяло… Но главное – запах. Все вокруг пропиталось насыщенным, чуть приторным ароматом сплетенных тел… Егор все понял, конечно. Стиснул челюсти, сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. А я похолодела, осознав, что Бергер сделал это специально. У нас было достаточно времени, чтобы привести в порядок дом, но он не стал этого делать. Нарочно не стал.

– Как ты себя чувствуешь, Лиза? – ровно проговорил Демидов, но я видела, ощущала охватившую его ярость всем телом. – Бергер, конечно, сволочь, но он…

– Егор, со мной все в порядке.

– Я понял. Иди в машину, Лиза.

Я послушалась, конечно.

Егор вернулся минут через двадцать. Дверь минивэна отъехала в сторону, пропуская его. Демидов сел рядом, проверил мой ремень безопасности и дал команду водителю:

– На Обводной. Потом в отель.

Машина тронулась. Я смотрела в окно на старую дачу, на обветшалый дом, которому уже давно сравнялась сотня лет, на тихий курортный поселок, где в один миг изменилась вся моя

жизнь. А где-то далеко шумело море. Равнодушное в своем величии. Ему не было дела до моих переживаний. Как не было дела и до пары драконов, что затеяли над ним битву в моих снах.

Меня разбудил Егор. Слегка толкнул в плечо и сказал:

– Приехали.

Мы оказались в темном дворе-колодце, в одном из многих дворов города на Неве. Из стоящей рядом машины вылез Бергер, слегка взъерошенный, но не растерявший весь свой лоск. Увидев меня, он нахмурился и произнес:

– Демидов, зачем она здесь?

– Раньше думать надо было!

– Егор!

– Ей полезно будет! Нам всем будет полезно!

Квартирка на последнем этаже явно была когда-то частью огромной коммуналки, а сейчас больше походила на пыльный чулан с крошечными окнами под потолком. Едва мы переступили порог, Егор швырнул меня на старый проваленный диван в углу и сказал одному из ребят:

– Отвечаешь головой!

Неторопливо снял пальто, пиджак, расстегнул запонки и закатал рукава белоснежной, идеально отутюженной сорочки, ослабил галстук.

Питер молчал. Не скалился, не язвил. Просто застыл посреди комнаты, бросая на меня обеспокоенные взгляды. Все же не выдержал и воскликнул:

– Демидов! Убери ее!

Тотчас первый удар, мощный и яростный, обрушился на его челюсть. Бергер мотнул головой, но устоял. Из рассеченной губы по подбородку потекла кровь. Я молчала, вцепившись в подлокотник дивана, только сейчас до конца осознав, что же мы натворили.

Второй удар – четко выверенный хуг – пришелся на скулу. Бергера отбросило к стене, но он выпрямился и пошел в наступление. Егор позволил ему провести серию ударов, некоторые из которых даже достигли своей цели, заставив Демидова слегка поморщиться.

А потом игры кончились. Мощный джеб сбил Бергера с ног. Он упал на грязный, залитый кровью пол и захохотал. Но тут же закашлялся и подтянул колени к животу, закрываясь. Тот парень, что до сих пор стоял в дверях, схватил Питера под мышки и поднял, удерживая на весу. Егор нахмурился. Питера было не узнать. Из раны над бровью хлестала кровь, один глаз уже заплыл, второй налился лиловым. Егор замахнулся для нового удара, и я завизжала. Голос вернулся, а вместе с ним и безумный страх. За Питера, за себя. И за Егора… Я не могла поверить, что мальчик, дующий на мои покрытые зеленкой коленки, тот мальчик, что таскал для меня конфеты из буфета и помогал делать уроки, может вот так, хладнокровно и расчетливо убивать человека. Я знала, конечно, что уважение и власть Демидовых держится не только на честных сделках и удаче. Но никогда прежде реальность не обрушивалась на меня с такой силой. Мой охранник попытался меня удержать, конечно. Но я вырвалась и кинулась к Бергеру закрывая его собой.

Егор по-звериному оскалился. Его некогда белоснежная сорочка была покрыта брызгами крови, а кожа на скуле сбита.

– Отпусти его… – прошептала я. – Егор, отпусти его, пожалуйста!

– Убери ее, Демидов! – захрипел за моей спиной Бергер. – Убери, слышишь? Сукин ты сын! Зачем тебе эта девочка, Гошка! Зачем? Простых баб трахать мало? Она ж твоя была, дурная твоя голова! Любила тебя, дурочка!

– Лиза, отойди! – прошипел Егор. – Отойди немедленно!

Но я не послушалась. Повернулась к Питеру, которого поддерживал, не давая снова рухнуть на пол, охранник, и сказала:

– Вы дурак, Петр Евгеньевич! Если думали, что сможете меня обмануть.

Он моргнул удивленно. От красивого некогда лица не осталось и следа. Нос явно был сломан. Сзади глухо зарычал Демидов, но вмешиваться не стал.

И тогда я его поцеловала. Обхватила руками колючие, перепачканные кровью щеки и прильнула к его губам.

Я пила его боль. Его судорожное дыхание. Его свободу. Его жизнь оседала на моих губах металлическим, чуть солоноватым вкусом крови. И чем дольше длился этот поцелуй, тем меньше у Питера было шансов выжить.

Наконец, я отстранилась. Мягко провела рукой по разбитой брови и, не оборачиваясь, спросила:

– Егор, что я должна сделать, чтобы он выжил?

– Ничего, – проговорил Демидов. – Просто уйди отсюда, Лиза. И мы сделаем вид, что последних нескольких дней не было в нашей жизни. Пусть все останется, как прежде.

– Прощайте, Петр Евгеньевич, – произнесла я, глотая слезы. – И спасибо за незабываемую прогулку.

– Вам, кажется, сейчас сделается дурно, Елисавета Александровна, – ответил Бергер и улыбнулся. – Вам нужно на свежий воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.